„Пр

БИБЛІОТЕКА БІОГРАФІЙ
выдающихся
РУССКИХЪ РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ.

Варѳоломей Александровичъ
ЗАЙЦЕВЪ.

Вып. I-ый.

ЛОНДОНЪ
1900.

„Про

БИБЛІОТЕКА БІОГРАФІЙ
ВЫДАЮЩИХСЯ
РУССКИХЪ РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ.

Варѳоломей Александровичъ ЗАЙЦЕВЪ.

Вып. Iый.

„Пров

224993

Въ видѣ предисловія.

Варѳоломей Александровичъ Зайцевъ.

В. А. Зайцевъ скончался 20-го Января 1882 г. въ Кларанѣ, надорванный изнурительнымъ умственнымъ трудомъ. Россія, бѣдная талантами и протестующими, силами, лишилась крупнаго, безпощаднаго борца за свободу, блестящаго мыслителя и ученаго. Выдающаяся дѣятельность В. А. Зайцева въ „Русскомъ Словѣ“ и его ученые труды, нѣтъ сомнѣнія, будутъ разобраны и взвѣшены по достоинству въ болѣе лучшее время нашими учеными и критиками, намъ же выпадаетъ на долю сказать нѣсколько словъ объ его запрещенной дѣятельности, о которой до сихъ поръ еще не посмѣетъ пикнуть легальная русская пресса.

Варѳоломей Александровичъ умеръ въ моментъ, когда Россія болѣе чѣмъ когда нибудь нуждалась въ прогрессивныхъ элементахъ, въ умахъ подобныхъ ему, ибо мы въ то время вступили на путь ожесточенной политической борьбы. Восточная деспотія, не смотря на огромныя дозы мускуса, позорно забилась въ глухомъ, дворцовомъ вертепѣ. Смерть наложила свое роковое клеймо на лбы упрямыхъ и тупыхъ, бозпощадныхъ злодѣевъ, тщетно силящихся бороться съ неумолимыми законами исторіи. Мы вѣримъ и знаемъ, что не вѣченъ этотъ сонъ надъ нашей безотвѣтной пока родиной и что первый лучъ, восходящаго солнца-правды не забудетъ освѣтить свѣтлую личность В. А. Зайцева и поднять его во всемъ его громадномъ значеніи.

Мы, такъ поздно начавшіе жить политической жизнью еще почувствуемъ эту незамѣнимую потерю, которую выбила изъ рядовъ лучшей русской силы безпощадная смерть. Одинъ изъ русскихъ ученыхъ выпустившій свою книгу во Франціи, вносящую революцію

во всѣ наши вѣковыя понятія, высказалъ по поводу смерти В. А. Зайцева, правдивую, но горькую мысль: „Грустная судьба нашихъ русскихъ писателей. Будь произведенія Зайцева писаны по французски, вся Европа навѣрное восхищалась-бы ими. Вѣдь многія изъ вещей его, писанныхъ за послѣднее время, будь онѣ писаны во Франціи — цитировались-бы, какъ образцовые памфлеты, вошли-бы въ христоматіи; писанныя по русски онѣ прочтутся съ наслажденіемъ десятками, съ равнодушіемъ сотнями, со скрежетомъ зубовнымъ тысячами.“

В. А. Зайцевъ обладалъ ослѣпительнымъ, ѣдкимъ остроуміемъ Рошфора, но кромѣ этого имѣлъ еще и цѣнное поэтическое дарованіе. Всѣ его статьи проникнуты горячимъ чувствомъ, глубочайшею искренностью, обвѣяны великой поэзіей. Необыкновенно симпатичный, кроткій, великодушный, снисходительный въ частной жизни, онъ становился суровымъ, неумолимымъ, огненнымъ борцомъ, разъ дѣло касалось дорогаго для него принципа. Тѣ,

кому привелось его знать близко, никогда не замѣчали въ немъ ни малѣйшаго колебанія, тѣни раздумья передъ будущимъ. Говорятъ, что самая тѣсная дружба и родственныя связи ни на минуту не остановили бы его, разъ онъ замѣтилъ-бы въ близкихъ ему людяхъ несправедливость, легкую измѣну себѣ, минутную слабость въ борьбѣ. Живя долгое время заграницей, слѣдя внимательно и постоянно за европейскимъ движеніемъ, онъ выработалъ въ себѣ обширное, политическое образованіе, ту законченность, которая такъ очень рѣдко встрѣчается у русскихъ.

Соціалистъ, революціонеръ, другъ старика Бакунина, онъ еще въ 1877 г. выступилъ на путь политической борьбы. Нужно было обладать рѣдкою самостоятельностью, чтобы выступить на этотъ путь въ то старое и странное время. Человѣкъ ратовавшій и признававшій необходимость политической борьбы въ Россіи, заподозрѣвался въ нѣжности къ конституціи. Послѣ смерти А. И. Герцена, цѣлыхъ десять лѣтъ преобладало соціалисти-

ческое, безъ политической окраски направленіе, чистое народничество и ему то на алтарь несли свои силы самые честные, самоотверженные и развитые люди Россіи . . .

Послѣ трехъ революцій и ужасной бойни соціалистовъ въ дни коммуны, послѣ тысячи неудачъ, борьбы жертъ, на западѣ созрѣло полное разочарованіе въ парламентаризмѣ и во всѣхъ политическихъ махинаціяхъ. Революціонное чрево въ ужасныхъ мукахъ породило анархизмъ — ученіе необыкновенно логичное, полное тончайшаго анализа, все основанное на опытѣ; будущее, несомнѣнно, принадлежитъ ему, но оно развернется во всей своей силѣ только въ республикахъ, гдѣ уже добыта возможность широкой борьбы и сплоченія силъ . . .

Анархическое ученіе становится мертвящею доктриною въ странѣ, невышедшей изъ всесословнаго скотства, изъ восточной деспотіи, состоянія животнорастительнаго . . .

Десятилѣтія насъ сѣкли по тюрьмамъ, хлестали по щекамъ, втихомолку пытали; тысячи, по прихоти царствующихъ Минотавровъ, шли

умирать медленною, адскою смертью въ Сибирь, тюрьмы и изгнанія и мы даже не знали имена своихъ лютыхъ палачей! Мы сервировали себя на закуску людоѣду, и при этомъ успокаивали себя тою дивною мыслью, что для осуществленія соціальнаго будущаго, лучшая республика и Александръ II въ сущности одно и тоже, что между турецкимъ, персидскимъ, русскимъ и швейцарскимъ правительствомъ, съ этой точки зрѣнія, не существуетъ ни малѣйшихъ градацій. Мы выпустили изъ виду, что не будь этихъ жалкихъ республикъ, всѣ чудомъ спасшіеся, всѣ бѣжавшіе изъ каторги и тюремъ русскіе революціонеры были бы до послѣдняго уничтожены на легкомъ огнѣ, что безъ презрѣнной политической подкладки невозможенъ ростъ самаго соціализма.

Соціализмъ не завоюетъ міра безъ полной свободы прессы, сходокъ, пропагандъ, митинговъ, конгрессовъ; не въ видѣ же огненныхъ языковъ сойдетъ пониманіе! Весь успѣхъ революціи будетъ зависить отъ нихъ. На нашихъ глазахъ все сильное, молодое, талант-

ливое и честное шло на пытки и смерть, и мы продолжали вѣрить въ незыблемость нашего ученія! Наши дѣти не поймутъ насъ, примутъ наши разсказы за грустную неправдоподобную сказку; не повѣрятъ, что горячая кровь текла въ нашихъ жилахъ . . .

Молодая дѣвушка, повинуясь голосу своего прекраснаго сердца, явилась съ заряженнымъ револьверомъ къ злодѣю Трепову и публично пустила въ него пулю. Не убивъ Трепова, она на повалъ убила доктрину. Искуственное, навѣянное рухнуло; свѣтлая здоровая жизнь вошла въ свои права.

Вѣра Засуличъ, идя на вѣрную смерть, конечно, не справлялась съ ученіями и партіями, не спрашивала позволенія, не взвѣшивала выгодъ и невыгодъ своего поступка . . . Сигналъ былъ данъ; грозный переворотъ совершился; идеальный порывъ сердца заглушилъ всѣ книжныя выкладки; съ Александромъ II стали считаться и мы узнали тѣмъ самымъ имена своихъ палачей. Потрясая всю Россію сверху до низу, приводя міръ въ

изумленіе, явились на сцену: кинжалы, револьверы, динамитъ, бомбы; величавые подвиги легендарныхъ событій стали расти, съ захватывающей духъ быстротою. Послѣ такихъ титаническихъ побѣдъ духа — возвратъ назадъ невозможенъ, хотя и возможенъ на время нѣкоторый роздыхъ для организаціи наличныхъ силъ, для болѣе энергическаго натиска. Наши Геркулесы, поразившіе Лернейскую гидру, не засядутъ, подобно Гретхенъ за прялку и не далеко то время, когда терроръ станетъ достояніемъ не только интеллигенціи, но оформится въ мускулистыхъ рукахъ русскаго пролетарія. Традиціи террористической партіи, завѣщанныя Желябовыми и Перовскими неотразимо всасываются въ молодыя вновь нарождающіяся силы, которыя и не замедлятъ при благопріятныхъ условіяхъ примкнуть и слиться „во едино стадо“, пастыремъ котораго будетъ требованіе временно павшей „Народной Воли“. Все то, что нашло себѣ объясненіе въ нашихъ головахъ, что стало такъ естественно теперь, казалось чуть не дикимъ нѣсколько

лѣтъ тому назадъ, и не смотря на все В. А. Зайцевъ, не задумываясь ни на минуту, вступилъ на это непротаренную тропинку, надѣясь только на одно будущее, и это будущее улыбнулось ему не задолго передъ смертью.

Варѳоломей Александровичъ Зайцевъ родился въ 1842 г. въ Костромѣ. Его отецъ, человѣкъ безъ всякаго состоянія служилъ въ то время въ казенной палатѣ мелкимъ чиновникомъ, и считался среди сослуживцевъ за человѣка далеко не глупаго, образованнаго, начитаннаго и талантливаго. Онъ страшно любилъ театръ, слылъ за театрала и грѣшилъ иногда перомъ въ видѣ маленькихъ статеекъ и стиховъ, которыя затеривались, въ провинціальной того времени прессѣ. Оставаясь до послѣдней степени преданнымъ престолу, онъ жилъ исключительно интересами своей семьи снискивая скудные гроши на пропитаніе частными перепиской да мизернымъ жалованіемъ, которыя платили николавскія министерства своимъ преданнымъ чиновникамъ мелкаго толка. Благодаря тѣмъ обстоятельствамъ, что семей-

ство Зайцева постоянно перемѣщалось, смотря по служебному назначенію отца, то въ Варшаву, то въ Рязань, то въ Житомиръ, Варѳоломей Александровичъ воспитывался дома, и никогда не былъ въ гимназіи или какомъ либо другомъ учебномъ заведеніи. Въ немъ рано проявилась не дюжинная способность и уже въ дѣтствѣ онъ лучшимъ другомъ сталъ считать книгу, отъ которой не отрывался всю свою жизнь. Очень рано проснулось въ немъ пристрастіе къ исторіи, которую онъ полюбилъ всѣмъ пыломъ молодаго ума, которой оставался вѣренъ до гробовой доски и зналъ необыкновенно основательно. На шестнадцатомъ году его познаніи были такъ велики, что онъ готовъ былъ къ поступленію въ университетъ, но въ Московскій университетъ его не приняли за недостаткомъ лѣтъ, и лишь благодаря протекціямъ и хлопотамъ старика Зайцева, способному юношѣ открылась дверь въ С.-Петербургскій университетъ на юридическій факультетъ. Черезъ короткое время по семейнымъ обстоятельствамъ онъ перешелъ на меди-

цинскій факультетъ въ Москву, гдѣ и оставался до четвертаго курса. Замѣняя въ семьѣ главу (отецъ его умеръ въ 1869 г.) молодому, 20 лѣтнему человѣку приходилось нести всѣ тягости единственной поддержки семьи. Скоро пришлось оставить Университетъ и всѣ свои еще не оформившіяся силы отдать неблагодарному мелкому литературному труду. Но и эти скудные источники были такъ не постоянны, что молодой человѣкъ принужденъ былъ скоро уѣхать изъ Москвы въ Петербургъ, гдѣ у него были нѣкоторыя литературныя связи. Тамъ ему представилась корректурная и переводная работа. За это время онъ написалъ небольшую историческую статейку и снесъ ее въ „Русское Слово“ къ Благосвѣтлову. Благосвѣтловъ прочелъ статью, и хотя и не принялъ ее, но сразу понялъ, что передъ нимъ новый литературный талантъ и предложилъ Вар. Алек. участіе въ своемъ журналѣ. Литературная дѣятельность Зайцева началась библіографическимъ листкомъ въ „Русскомъ Словѣ“ и литературной критикой. Работая въ жур-

налѣ, онъ не переставалъ заниматься переводами, которые мало по малу начинали считаться классическими. Отъ корректуры онъ также отказаться не могъ и истощая силы просиживалъ ночи, чтобы пополнить недостатокъ средствъ, такъ какъ одной работой въ библіографическомъ листкѣ нельзя было поддержать въ Петербургѣ семейство, состоявшее изъ трехъ человѣкъ. Не будучи въ состояніи платить учителямъ, онъ находилъ еще время учить свою младшую сестру.

Вотъ въ такихъ условіяхъ работалъ и производилъ 20-ти лѣтній юноша, котораго упрекали въ незрѣлости сужденій и чрезмѣрной увлекаемости. Тѣмъ не менѣе онъ и тогда уже не только рѣзко выдвинулся впередъ среди массы литературныхъ соперниковъ, но скоро сталъ любимымъ писателемъ молодежи и однимъ изъ основателей той литературно — реалистической школы, изъ которой развился со временемъ такъ называемый нигилизмъ.

Онъ писалъ въ „Русскомъ Словѣ“ библіографическія и критическія статьи и разборы

вновь выходящихъ книгъ по литературѣ, исторіи и истественнымъ наукамъ, въ чемъ ему прямыми помощниками были его основательныя медицинскія познанія и прекрасное и добросовѣстное знакомство съ исторіей. Большой талантъ Зайцева поднялъ скоро библіографическій листокъ изъ заброшеннаго отдѣла на видное мѣсто, отвоевавъ ему лучшую позицію и сдѣлавъ его любимымъ и наиболѣе читаемымъ. Зайцева перо было такъ сильно въ то время, что многія его статьи перехватывались и читались молодежью съ лихорадочнымъ вниманіемъ какъ нѣкогда статьи Бѣлинскаго. Сильное впечатлѣніе на читающія сферы произвела его статья по поводу новаго изданія Лермонтова, гдѣ разбирая „Демона“ онъ утверждалъ, что кругъ понятій Лермонтова былъ только и чисто офицерскій, а также — по поводу выхода сборника переводовъ изъ Гейне Костомарова, пользовавшагося въ то время большой популярностью, какъ предатель Михайлова, гдѣ онъ воспользовался однимъ изъ стихотвореній сборника

„Шпіонъ“, чтобы съ настойчивостью и силой Бѣлинскаго публично бичевать это предательство, въ виду озадаченной цензуры и торжествующаго общества. В. А. писалъ много и на самыя разнообразныя темы, не исключая и философскихъ, но мы не можемъ вдаваться въ подробный анализъ его литературной дѣятельности, тѣмъ болѣе, что и время еще можетъ быть для этого не настало. Однако и теперь мы уже считаемъ возможнымъ высказать нѣсколько словъ относительно тѣхъ упрековъ въ парадоксальности и чрезмѣрной увлекаемости, которымъ порою подвергалась тогда эта дѣятельность, и которыя В. А. раздѣлялъ со своимъ блестящимъ сотоварищемъ по журналу — Писаревымъ, хотя и въ меньшей степени, чѣмъ этотъ послѣдній. Не всегда были справедливы эти упреки, но было-бы странно, по многимъ причинамъ, если-бы не заключали въ себѣ никакой доли справедливости. Пора, въ которую началась литературная дѣятельность В. А., была порой внезапнаго пробужденія русской жизни и вызваннаго изъ энергическаго

броженія идей, которое съ особенною силой сказывалось именно въ литературѣ. Такъ кипѣла борьба, которая впослѣдствіи перешла въ жизнь, зарождались литературныя партіи, которыя потомъ сдѣлались общественными. Русское общество жадно набрасывалось и поглощало идеи, вносимыя въ него литературой, а литература торопилась дѣлиться своими идеями съ обществомъ, какъ бы предчувствуя, что свѣтъ, блеснувшій надъ нею, не есть еще день, а только короткій свѣтлый промежутокъ между двумя ночами. Въ эту горячую пору тревожной и страстной борьбы, когда не было времени заботиться о формѣ и частностяхъ, и самые зрѣлые представители русской мысли не всегда могли сохранять спокойствіе и мѣру, а тѣмъ менѣе могъ сдѣлать это человѣкъ, который какъ В. А. Зайцевъ, принялся за литературную работу въ такую раннюю пору жизни и при такихъ неблагопріятныхъ для него личныхъ обстоятельствахъ. Не мудрено поэтому, что, желая выпрямить лукъ, онъ часто слишкомъ сильно нагибалъ его въ противу-

положную сторону и, высказывая свою мысль, забывалъ иногда обставить ее необходимыми оговорками и условіями, которыя ограничили-бы рѣзкость заключающагося въ ней отрицанія. Но дѣло въ томъ, что гнулъ онъ его всегда въ хорошую сторону, что всѣми своими увлеченіями, симпатіями и антипатіями и всѣмъ существомъ своимъ онъ стоялъ на сторонѣ свѣтлыхъ принциповъ той эпохи; и въ этой беззавѣтной, не знающей уступокъ преданности этимъ принципамъ и заключается главная причина, почему его вліяніе на молодежъ было такъ сильно, и почему имя Зайцева, въ ея воспоминаніяхъ, какъ и въ исторіи литературнаго и общественнаго движенія той эпохи, останется навсегда связаннымъ съ лучшими страницами этой исторіи и займетъ мѣсто въ ряду именъ лучшихъ представителей этого движенія.

Но дѣятельность В. А. не ограничивалась однимъ сотрудничествомъ въ „Русскомъ Словѣ“. Будучи извѣстенъ какъ талантливый писатель, онъ вскорѣ сдѣлался извѣстенъ и какъ одинъ

изъ лучшихъ — если не лучшій — нашихъ переводчиковъ. Среди своей неустанной и разнообразной работы онъ нашелъ время выучиться по итальянски, по англійски, — французскій, нѣмецкій и латинскій языки онъ изучалъ еще дома — и перевелъ между прочимъ: Исторію кретьянской войны Циммермана, Возстаніе Нидерландовъ Мотлея, Полную Всемірную исторію Вебера, Капиталъ Маркса, Левіафанъ Гоббса, редактировалъ переводъ Всемірной исторіи Шлоссера, гдѣ онъ съ X тома смѣнилъ Чернышевскаго, въ то время уже засаженнаго въ Петропавловскую крѣпость и т. д. Лучшіе въ то время русскіе издатели, какъ Вольфъ, Поляковъ, Тибленъ, искали его переводовъ, и не было, кажется, такого издателя въ Россіи, у котораго бы не работалъ Зайцевъ. Кто знаетъ, какое существенное значеніе имѣла тогда переводная литература для развитія русскаго общества, тотъ пойметъ всю важность услуги, оказанной нашему просвѣщенію неутомимымъ творчествомъ и дѣятельностью молодаго переводчика.

Но скоро вся эта разнообразная дѣятельность В. А. должна была прекратиться. Правительство мало по малу заинтересовалось Зайцевымъ и стало обращать на него свое вниманіе. 1865 годъ былъ особенно безпокоенъ для В. А. и всевидящее око зорко слѣдило за каждой буквой, исходившей изъ подъ его пера. Въ это время польское возстаніе испугало большинство не только общества, но и литераторовъ, которые бросились въ такъ называемый Муравьевско — демократическій соціализмъ, между тѣмъ какъ Варѳоломей Александровичъ не только оставался вѣрнымъ себѣ, но еще въ очень прозрачной формѣ продолжалъ клеймить русское самоуправство въ Польшѣ. Писать въ такомъ духѣ о польскихъ дѣлахъ было въ то время опасно для всякаго, а тѣмъ болѣе для В. А., который и прежде былъ на замѣчаніи у правительства за свою литературную пропаганду въ „Русскомъ Словѣ“, вліяніе на молодежъ и знакомство съ нигилистическими кружками. Онъ выдавался изъ ряду, а около такихъ выдающихся людей въ

то время сосредоточивалась подозрительная злоба правительства, ударившагося въ реакцію, и оно, какъ показалъ примѣръ Н. Чернышевскаго, хваталось за всякій ничтожный поводъ, чтобы губить ихъ. Все это сдѣлало то, что послѣ выстрѣла Каракозова Вар. Алекс. былъ арестованъ и посаженъ въ Петропавловскую крѣпость. Основательныхъ уликъ противъ него не было никакихъ, а все возведенное противъ него обвиненіе сводилось къ нравственному участію въ дѣлъ покушенія. Благодаря этому обстоятельству В. А. посчастливелось черезъ четыре мѣсяца выбраться изъ казематовъ русской бастиліи, но и это короткое время, проведенное въ сыромъ подземельѣ было достаточнымъ, что-бы разрушительно подѣйствовать на слабый организмъ. Кто имѣлъ возможность на практикѣ ознакомиться съ тюрьмою, тотъ знаетъ, что иногда и 2—3 мѣсяцевъ бываетъ довольно, чтобы желѣзный организмъ переломить въ его основаніи, здороваго человѣка сдѣлать на всю жизнь колѣкой. В. А. вышелъ изъ тюрьмы со злѣй-

шимъ ревматизмомъ, отозвавшимся вскорѣ на сердцѣ, которымъ онъ страдалъ съ того времени постоянно и который имѣлъ безспорно большое вліяніе на его прежде-временную смерть. Больной и разбитый физически и нравственно, онъ по выходѣ изъ крѣпости былъ обреченъ на ужасную жизнь. Не добившіе, за неимѣніемъ уликъ, палачи обрушились на легальную дѣятельность В. А. статьи его или не принимались или подвергались маранію цензора. Постоянные обыски и требованія въ полицію по разнымъ поводамъ дѣлали жизнь буквально невозможной. Примѣръ Н. Чернышевскаго, сослана на каторгу за пропущенныя цензурою статьи и по завѣдомо подложному письму, ясно показывалъ чѣмъ можетъ кончится участь Зайцева. Гуляющій сегодня на свободѣ, онъ могъ быть завтра опять упрятанъ въ одинъ изъ равелиновъ Петропавловской крѣпости. Доведенный до крайности, В. А. сталъ хлопотать о заграничномъ паспортѣ, но получилъ отказъ. Ревматическая болѣзнь сердца, вынесенная изъ тюрьмы и страданіе глазами по-

могли ему наконецъ разжалобить своихъ палачей и получить паспортъ на выѣздъ изъ предѣловъ Имперіи. Онъ выѣхалъ изъ Россіи въ мартѣ 1869 году и поселился въ Парижѣ.

Очутившись за границей для В. А. сношенія съ русской литературой сдѣлались вѣсьма затруднительными и не только вслѣдствіе одного отдаленія отъ правительственной цензуры, но также и цензуры журнальныхъ редакцій, которыя убоявшись призраковъ довольно значительно измѣнились въ сторону умѣренности, вслѣдствіе понесеннаго имъ погрома и порою какъ-бы пребывали въ хаотическомъ состояніи. Въ исторіи этихъ сношеній есть факты, не безъинтересные для характеристики нашей журналистики въ тогдашнее смутное время. Такъ поселившись съ весны 1870 г. въ Туринѣ, гдѣ онъ прожилъ все время Франко-Прусской войны, Варѳоломей Александровичъ перевелъ прелестные записки Гарибальдійца „Красная рубашка“ (Camicia rossa), помѣщенныя первоначально въ формѣ корреспонденцій съ театра войны въ

„Gazzetta di Torino“. Записки эти читались на расхватъ въ Италіи, ими увлекались, ихъ цитировали, объ нихъ говорили. Видя такой успѣхъ, В. А. предложилъ ихъ въ „Отечественныя Записки“, но редакція нашла, что онѣ не интересны и не современны, не смотря на то, что онѣ были предложены В. А. въ концѣ 1870 и въ началѣ 71 годовъ, когда война шла въ полномъ разгарѣ. Случайно онѣ были предложены Некрасову, и онъ на собственный рискъ принялъ ихъ и помѣстилъ первою статьей.

Нѣчто аналогичное было раньше, именно въ 1869 году, какъ разъ во время общихъ выборовъ въ палату, происходившихъ во Франціи. Некрасовъ находился въ то время въ Парижѣ и былъ у В. А. Тамъ завязался разговоръ о выборахъ и въ разговорахъ, разумѣется, не стѣснялись характеризовать по достоинству Жюлей Фавровъ, Жюлей Симоновъ, Эрнестовъ Пикаровъ и т. п. корифеевъ тогдашней буржуазіи. Некрасовъ, не знавшій французскаго языка, да и вообще мало знав-

шій исторію, очень заинтересовался этими разсужденіями и въ концѣ концовъ заказалъ статью о выборахъ именно въ томъ тонѣ, въ которомъ онъ ее только что слышалъ.

Статья была написана мастерски и послана въ Петербургъ, но редакція ее не приняла и отвѣтила устами Некрасова длиннымъ письмомъ, въ которомъ говорила, что „нельзя клеветать голословно; и даже противно фактамъ обвинять такихъ заслуженныхъ бойцовъ свободы, республики и народа, каковы Jules Favre, Jules Simon, Ernest Picard!“ Некрасовъ, сидѣвшій теперь въ кабинетѣ на берегахъ Невы, былъ вовсе не тотъ Некрасовъ, котораго передъ собой видѣлъ нѣсколько недѣль тому назадъ В. А. въ своей скромной комнатѣ передъ убогимъ каминомъ.

Въ то время усилившаяся эмиграція русскихъ благодаря возрожденію реакціи, открыла передъ В. А. новую арену дѣятельности. Большая часть изъ этихъ эмигрантовъ скоро примкнула къ соціалистическому европейскому движенію, въ которомъ сталъ принимать горячее

участіе и Варѳоломей Александровичъ. Это было время самаго разгара движенія. Женева была главнымъ центромъ его: тамъ собирались сходки піонеровъ соціализма, возникалъ международный союзъ соціалистовъ, кипѣла дѣятельность, пробуждавшагося рабочаго класса, которая порою принимала дѣйствительно грандіозные размѣры.

Анархисты, Марксисты, коллективисты возбуждали народъ, горячо полемизируя другъ съ другомъ. Но среди разнообразія мнѣній, возбужденныхъ движеніемъ, рѣзко обозначились двѣ большія другъ противъ друга стоявшія группы. Во главѣ одной былъ К. Марксъ, который руководствуясь діалектическимъ методомъ Гегеля, училъ, что настоящій капиталистическій строй, дойдя до крайнихъ предѣловъ своего развитія, самъ собой, естественнымъ путемъ породитъ изъ себя соціалистическое общество, какъ свое необходимое порицаніе, и согласно этой доктринѣ, воздерживая рабочихъ отъ революціонныхъ путей, призывалъ ихъ къ мирной борьбѣ съ капитализ-

момъ путемъ парламентскихъ выборовъ, стачекъ и организаціи разнаго рода ферейновъ. Другая группа, крупнѣйшимъ представителемъ которой былъ Бакунинъ, признавала дѣйствительнымъ только путь революціонный и потому отвергала полезность парламентской борьбы, а стачки и ферейны признавала настолько, насколько они способствовали объединенію рабочихъ для возстанія. Борьба этихъ двухъ партій составляла одну изъ рѣзкихъ чертъ исторіи интернаціонала, и въ этой борьбѣ вскорѣ послѣ своего пріѣзда за границу принялъ участіе и В. А. Зайцевъ.

Еще во время своего кратковременнаго пребыванія въ Женевѣ въ 1869 г. В. А. поступилъ членомъ въ Интернаціональное Общество. Въ 1870—71 гг. онъ въ Туринѣ сошелся съ нѣсколькими журналистами и вмѣстѣ съ ними основалъ первую итальянскую секцію Интернаціонала. Вслѣдъ за этой секціей основались секціи и въ другихъ городахъ, но Туринская скоро стала во главѣ того вышеупомянутаго courant въ Интернаціоналѣ,

который, направляясь противъ идей, пріемовъ и требованій К. Маркса и Марксистовъ скоро заявилъ себя чисто революціоннымъ. На этомъ Зайцевъ скоро сошелся съ Бакунинымъ, который, какъ мы уже сказали, тоже видѣлъ въ Интернаціоналѣ способъ сгруппировать не экономическія, а революціонныя силы пролетаріата. Подружившись съ Бакунинымъ, В. А. переселился въ Лопарно, и жилъ тамъ вмѣстѣ съ знаменитымъ агитаторомъ, помогая ему въ русской и италіанской революціонныхъ работахъ. То-же самое направленіе представлялъ и проводилъ Зайцевъ въ женевской секціи Интернаціонала и въ обществѣ французскихъ proscrits послѣ Коммуны. И тамъ, и здѣсь онъ постоянно доказывалъ, что только революціоннымъ путемъ можно достигнуть какихъ нибудь существенныхъ пріобрѣтеній и что идея борьбы на экономической почвѣ голаго пролетаріата съ богатыми фабрикантами — вопіющая нелѣпость. За это онъ, такъ сказать, былъ оффиціально преданъ проклятію Марксомъ и его сподручниками, а въ осо-

бенности главнымъ сторонникомъ Маркса въ Женевѣ, горячимъ соціалистомъ Утинымъ, который впослѣдствіи сдѣлался довѣреннымъ подрядчика Полякова по постройки желѣзной дороги для русской арміи въ Румыніи, затѣмъ инженеромъ постройки моста черезъ Волгу и, наконецъ, получилъ разрѣшеніе возвратиться въ Россію. Разностороннія свѣдѣнія В. А. дѣлали его опаснымъ противникомъ Марксистовъ, а его спокойная, логичная, не отступавшая ни передъ какими послѣдствіями рѣчь, порою, очень сильно раздражала ихъ. Между тѣмъ какъ они горячились и злобились, онъ разсуждалъ, невозмутимо и безъ торопливости выкладывая доводъ за доводомъ, которыми разбивалъ аргументацію противниковъ. Нетерпимость послѣднихъ дошла, наконецъ, до того, что когда однажды Зайцевъ на одномъ собраніи соціалистовъ, заключилъ свою рѣчь предложеніемъ распущенія Интернаціонала, который по его мнѣнію отвлекаетъ только рабочихъ отъ истинныхъ задачъ соціально-революціонной дѣятельности, онъ едва могъ спастись отъ

ярости противниковъ, бросившихся не него съ поднятыми кулаками. Рабочими онъ былъ очень любимъ и уважаемъ, подобно другому русскому соціалисту, умершему гораздо раньше его — Серно-Соловьевичу, о которомъ и до сихъ поръ вспоминаютъ съ любовью рабочіе, среди которыхъ онъ дѣйствовалъ. Участвуя въ интернаціональномъ движеніи, В. А. продолжалъ въ тоже время свои работы съ Бакунинымъ. Онъ писалъ біографію Бакунина частью подъ диктовку, частью по разсказамъ его, и у него должно быть между бумагами подробное описаніе дрезденской революціи, составленное со словъ Бакунина; ареста послѣдняго въ Австріи, заключенія въ Шпильбергѣ и выдачи его Россіи. Послѣ смерти Бакунина Зайцевъ былъ избранъ въ комитетъ, составившійся для напечатанія главныхъ его произведеній и его біографіи. Ему-же было поручено разобрать русскія бумаги Бакунина.

Война 1870 г. и послѣдовавшія за нею, событія, какъ извѣстно, очень вредно повліяли на существованіе Интернаціонала. Соціалисти-

ческое броженіе, такъ высоко было поднявшееся, разомъ упало и ушло въ землю. Попытки поднять его снова не удавались. Наступилъ моментъ долгаго затишья. Въ это глухое время В. А. жилъ по большей части на югѣ Франціи съ семьей: женой и дочерью, въ кругу близкихъ людей, продолжая свои обычныя занятія литературой, наукой, корреспондируя иногда въ разныя иностранныя газеты. Соціалистическая его дѣятельность прекратилась по необходимости, а въ дѣятельности русскихъ эмигрантовъ онъ не могъ участвовать вслѣдствіе нѣкоторыхъ особенностей своего взгляда на русскія дѣла, слишкомъ рѣзко расходившагося съ духомъ и направленіемъ идей того времени.

Когда въ 1877 году основано было „Общее Дѣло“, одною изъ задачъ котораго было возстановить единеніе между соціализмомъ и свободой и привести ихъ въ связь съ очередными требованіями жизни, издатель журнала вскорѣ обратился къ В. А. съ предложеніемъ сотрудничества и получилъ его согласіе. Уже

въ N. 3 была помѣщена его статья „Навухоносоръ“ и съ тѣхъ поръ до самой смерти онъ не прекращалъ сотрудничества, посылая въ каждый номеръ нѣсколько статей, въ которыхъ отзывался на всѣ вопросы русской жизни, отъ самыхъ общихъ требованій ея до самыхъ частныхъ проявленій, бичуя деспотизмъ во всѣхъ его видахъ и образахъ. Рядъ статей его въ „Общемъ Дѣлѣ“ по своему ѣдкому остроумію, всегда художественной формѣ и мастерскому, сжатому языку, которымъ В. А. владѣлъ превосходно, свидѣтельствуетъ о существованіи въ немъ публицистическаго таланта рѣдкой силы, таланта который заблисталъ-бы на всю Россію, если-бы русская почва была благопріятна для такихъ талантовъ, и если бы въ русской жизни не отсутствовали два существенныя условія, необходимыя для развитія ихъ: *свобода и политическая жизнь.*

В. А. очень дорожилъ своимъ участіемъ въ „Общемъ Дѣлѣ“, помѣстилъ тамъ статью „Нашъ и ихъ патріотизмъ“, которую считалъ за лучшее изо всего написаннаго имъ и тѣмъ

не менѣе онъ началъ свое сотрудничество въ этомъ журналѣ не безъ нѣкотораго грустнаго скептицизма. Удрученный тяжелыми воспоминаніями, оскорбленный апатіей и неподвижностью русскаго общества, онъ порой переставалъ вѣрить въ его современныхъ представителей и съ негодованіемъ говорилъ: „оставьте всякую надежду, рабство въ крови ихъ!“ Но въ человѣкъ такомъ живомъ и дѣятельномъ подобныя сомнѣнія не подрывали энергіи, не могли быть ни постоянными, ни преобладающими. Да къ тому-же и русская жизнь ихъ скоро разсѣяла. Выстрѣлъ Вѣры Засуличъ онъ принялъ съ величайшимъ энтузіазмомъ, какъ сигналъ пробужденія, какъ свидѣтельство существованія великихъ нравственныхъ силъ въ Россіи. Съ восторгомъ видѣлъ онъ, какъ возбужденныя этимъ выстрѣломъ революціонныя силы Россіи выходили изъ замкнутыхъ твердынь своей доктрины на поле политической борьбы, и съ той поры уже не сомнѣвался въ счастливомъ исходѣ послѣдней. Участь деспотизма для него была

рѣшена и вопросъ его окончательнаго паденія былъ вопросомъ недалекаго будущаго.

Справедливость заставляетъ сказать, что въ „Общемъ Дѣлѣ“ В. А. не нашелъ органа, который-бы вполнѣ отвѣчалъ его требованіямъ идеямъ и тенденціямъ. Многое въ немъ иногда казалось ему слишкомъ умѣреннымъ и недостаточно рѣшительнымъ, между тѣмъ какъ прочіе сотрудники журнала порою находили его статьи черезъ мѣру рѣзкими и слишкомъ всецѣло воспроизводящими то широкое отрицаніе литературнаго нигилизма 60-хъ годовъ, которое уже не отвѣчало требованіямъ современности. Въ такомъ случаѣ обѣ стороны или дѣлали взаимныя уступки, или заканчивали разногласія полемикой на страницахъ журнала, въ которой послѣднее слово предоставлялось читателю. Но до разрыва дѣло никогда не доходило, потому что въ существенныхъ принципахъ своей дѣятельности обѣ стороны были согласны, а В. А. не принадлежалъ къ тѣмъ доктринерамъ, которые лучше готовы отказаться отъ борьбы, чѣмъ поступиться

одной сотой своего ученія, даже когда такія уступки не приносятъ никакого вреда дѣлу. Дѣло, борьба были у него на первомъ планѣ, и онъ дорожилъ случаемъ вести ее. Въ этомъ большая заслуга В. А. Подобные люди у насъ рѣдки, и въ этомъ, можетъ быть, состоитъ величайшее несчастіе русской жизни, такъ какъ безъ людей такаго закала, невозможны большіе союзы политическихъ группъ, необходимые для успѣшнаго веденія борьбы, невозможна и самая борьба безъ междоусобія самолюбій и парализирующаго ея силу. Не отсутствіемъ ли такихъ людей объясняется вялость и робость современнаго русскаго общества передъ деспотизмомъ, уже расшатаннымъ и нравственно парализованнымъ; не имъ ли, напр. слѣдуетъ объснить тотъ фактъ, почему, постоянно жалуясь на цензуру, русскіе писатели до сихъ поръ не съумѣли ни создать безцензурнаго органа въ Россіи, ни поддержать своимъ содѣйствіемъ тѣ, которые уже существуютъ за предѣлами ея и почему въ самой задавленной литературѣ нашей мелкіе

счеты самолюбій и традиціонная привычка къ доктринамъ, часто заглушаютъ голосъ жизни и берутъ перевесъ надъ общей ненавистью къ общему врагу? Вопія о безвыходности своего положенія, наша интеллигенція не хочетъ видѣть, что эта безвыходность не зависитъ уже не столько отъ тяжелыхъ условій не ею созданныхъ, сколько отъ ея собственнаго нежеланія пользоваться благопріятными для нея условіями, уже выработанными жизнью; нежеланіе, которое дало право В. А. предположить въ одной изъ своихъ статей въ „Общ. Дѣлѣ“, что русскіе порядки въ сущности оказываются для нашей интеллигенціи гораздо болѣе сносными, чѣмъ можно-бы думать, слушая ея литературныя вопли, и заключить свою статью слѣдующими словами: „нѣтъ, не лежитъ у нихъ сердце къ свободѣ, не лежитъ, не сидитъ, не стоитъ!“ . . .

Послѣдніе годы своей жизни В. А. прожилъ на югѣ Франціи, преимущественно въ Ментонѣ, ведя все ту же утомительную трудовую жизнь, которая такъ рано началась для него въ Рос-

сіи и кончилась послѣ цѣлаго ряда лишеній только съ его смертью. Казалось, онъ обладалъ всѣми условіями, чтобы обезпечить себѣ хоть вѣрный кусокъ хлѣба. Труженникомъ онъ былъ такимъ, какихъ мало; владѣлъ способностью писать легко, живо и образно; зналъ множество языковъ: французскій, нѣмецкій, итальянскій, латинскій, испанскій, англійскій, что позволяло ему обширно корреспондировать въ иностранныя газеты, имѣлъ основательныя свѣдѣнія по естественнымъ наукамъ, былъ спеціалистомъ въ исторіи, какихъ желать могли бы кафедры нашихъ отечественныхъ университетовъ, переводилъ съ удивительной быстротой и поразительной прелестью. И не смотря на всѣ эти дарованіа, онъ тѣмъ не менѣе не спасенъ былъ отъ бѣдственнаго положенія. Онъ не могъ изъ нихъ извлекать большой пользы и существовалъ неправильными заработками: переводами, статьями, уроками. Среди всѣхъ этихъ работъ изъ за куска хлѣба, и не смотря на свое слабое здоровье, онъ, однако, успѣлъ написать исторію

древняго костока по новѣйшимъ источникамъ (Менану, Опперту, Раулинсону, Ленорману, Масперо, Лепсіусу и т. д.) и исторію древней Греціи и Рима. Большой почитатель Греціи и именно Аѳинъ, онъ съ особою любовью писалъ эту исторію и съ нетерпѣніемъ ожидалъ появленіемъ въ свѣтъ этой книги. Но ему не суждено было видѣть ее. Здоровье его все болѣе и болѣе разстраивалось подъ соединеннымъ дѣйствіемъ тяжелой трудовой жизни, такъ мало знавшей минутнаго покоя и забвенія. Еще за долго до смерти у него были болѣзненные припадки, которые позволяли предугадывать близость катастрофы. Тѣмъ не менѣе онъ никогда не казался такъ далекъ отъ нея, какъ въ то именно время, когда былъ всего ближе къ ней. Освободившись отъ ревматизмовъ, которые положительно отравляли ему существованіе, онъ сталъ видимо поправляться. Вскорѣ произошла нѣкоторая перемѣна къ лучшему и въ его матеріальномъ положеніи, когда онъ лѣтомъ 1881 г. переселился въ Кларанъ. Друзья и знакомые, посѣщавшіе

его въ Кларанѣ, радовались происходившей въ немъ перемѣнѣ и, видя его здоровымъ и бодрымъ, забывали свои опасенія. Въ это-то время, возвратившись однажды съ урока домой въ 11¼ утра, онъ скоропостижно умеръ отъ удара, не сказавъ ни слова.

Тяжелыя, безотрадныя для русской жизни мысли наводитъ судьба Варѳоломея Александровича Зайцева. Вотъ передъ Вами человѣкъ, въ которомъ соединено было все, чтобы быть украшеніемъ и гордостью страны, въ которой онъ родился, и эта страна не дала ему возможности даже жить въ ней, и смертельно раненый ея правительствомъ, онъ долженъ былъ оставить ее, чтобы умереть далеко за ея порогомъ.

